

Дмитрий Михель
(Саратов)

Человеческие проблемы в зеркале науки о приматах

Приматология в контексте

Дискуссии о приматах в XX веке никогда не были научно нейтральными. При этом они часто переплетались с социальными дискуссиями, прямо обращенными к вопросам секса и гендера, равно как и к вопросам класса и расы. Верные в той или иной мере дарвинизму ученые-приматологи видели в поведении приматов и их социальной организации своего рода «естественное состояние» человечества, далекое прошлое цивилизации, знание о котором позволит лучше управлять современным обществом.

В период первой мировой войны и первые два десятилетия после ее окончания наступила *эра лабораторной приматологии*. Приматами занялись физиологи, психофизиологи, исследователи в области сравнительной психологии. Для исследователей межвоенной эпохи тела приматов и их поведение играли роль объектов, на которых можно было отрабатывать вопросы развития человеческого интеллекта, речи, формирования культурных и, разумеется, трудовых навыков. Завозимые из колоний приматы и полуприматы были призваны стать податливым материалом для решения самых насущных проблем современного мира. Россия, Германия, США и другие западные державы переживали острейшие социальные трансформации. Построение социализма, дисциплинирование рабочего класса, подготовка солдат, борьба с психологическими потрясениями, вызванными «великой депрессией», — все это требовало глубоких знаний, привлекаемых из различных дисциплинарных областей, в том числе из сферы науки о существах, находящихся в прямом биологическом родстве с человеком.

Интерес к приматам на Западе, однако, был очень давним. Со времен Аристотеля и Галена запас знаний европейцев о них пополнялся в основном путем наблюдений за обезьянами Северной Африки. Лишь к XVIII веку, когда европейцы, наконец, проникли в страны с тропическим климатом, эти сведения стали более разнообразными¹. С того же периода в центр их внимания вышли человекообразные приматы — антропоиды, которых тогда было принято называть «орангами»². Они и стали отдаленным прообразом «цивилизованного человека» и одновременно чем-то вроде «дикарей» «дикого» мира. Шотландец Джеймс Барнет, лорд Монбоддо (1714-1799), в своей книге «О происхождении и развитии речи» (1774) писал:

«Все это сводится к тому, что орангутан есть животное, подобное человеку и внешне, и внутренне. Он обладает человеческим разумом в той мере, какая доступна животному существу, живущему без благотворного влияния наук и всяческих удобств; характера он мягкого, кроткого и доброго. Он обладает чувствами, свойственными человеку, как, например, чувством скромности, чести и справедливости, а также способен на любовь и дружбу. Чувства эти порой бывают в нем так сильны, что он не может пережить смерть друга и умирает вслед за ним. Живут орангутаны не в одиночку, а вместе с другими; им знакомы некоторые удобства жизни — они строят хижины и пользуются искусственным оружием для защиты и нападения, а именно палкой, чего никакое другое животное, являющееся не более чем зверем, делать не умеет... Существуют у них, видимо, и какие-то свои порядки; есть у них и свои обычаи, например, погребать умерших»³.

С признанием эволюционной теории Чарльза Дарвина интерес Запада к человекообразным приматам еще более вырос, и антропоиды сделались привычными героями литера-

¹ Фридман, Э. П. Занимательная приматология. Этюды о природе обезьян. М. : Знание, 1985.

² Smith, R. The Fontana History of the Human Sciences. London : Fontana Press, 1997. P. 267–275.

³ Цит. по: Шаллер, Дж. Б. Год под знаком гориллы. М. : Мысль, 1968. С. 216–217.

турных опытов. Характерно, что с самого начала их образ был грубо мифологизирован. Так, в 1861 году американский охотник Поль дю Шайю опубликовал свою книгу «Путешествия и приключения в Экваториальной Африке», в которой описал горилл. В сцене охоты на самца гориллы он писал: «Теперь он воистину казался мне каким-то кошмарным исчадием ада — чудовищное существо, получеловек, полузверь, мы видели подобных ему на картинах старинных художников, изображающих подземное царство... И тут, когда он опять заревел, яростно ударяя себя в грудь, мы выстрелили и убили его»⁴.

Вплоть до первой мировой войны в культуре Запада большие человекообразные обезьяны продолжали оставаться преимущественно объектом охотничьих нападений и охотничьих же повествований. Кабинетные ученые в США и Европе живых антропоидов сами не видели, довольствуясь редкими подарками от охотников, которые посылали им либо кости убитых животных, либо их чучела. Так, когда 17 октября 1902 года немецкий капитан Оскар фон Беринге застрелил в районе Вирунга горную гориллу, ее скелет он переслал в Германию для научных исследований. По его имени подвид горных горилл получил латинское название *Gorilla gorilla beringei*. Анализируя различия между горной и западной береговой гориллой, немецкие анатомы нашли 34 морфологических различия между ними, хотя, в сущности, они были малозаметными.

В 1921 году опыт охотника, ученого и таксидермиста уже легко смог соединиться в практике одного человека. Им оказался американец Карл Экли (ум. 1926). В районе горы Микено он добыл пять экземпляров горилл для Американского музея естественной истории и сам сделал из них чучела. Однако гориллы произвели на него неизгладимое впечатление, и Экли не только написал о них книгу⁵, но и стал добиваться от бельгийского правительства выделить для существования этих животных охраняемую территорию. Его просьбы были поддержаны, и 21 апреля 1925 года в районе

⁴ Цит. по Шаллер, Дж. Б. Год под знаком гориллы. С. 9–10.

⁵ Экли, К. В сердце Африки. М., 1929.

вулканов Вирунга был создан Национальный парк Альберта (ныне Вирунга).

Но к этому времени в приматологии уже начали набирать темп новые стратегии исследований обезьян. На смену музеям с их чучелами и скелетами стали приходиться экспериментальные станции и питомники, создаваемые ведущими мировыми державами на своей территории. Впрочем, первый такой опыт имел в своей основе интернациональный проект и планировался в условиях, весьма близких к естественным. В 1914 году американский зоопсихолог Роберт Йеркс (1876–1956) и немец Вольфганг Келлер (1887–1967) запланировали совместные исследования на острове Тенерифе (Канарский архипелаг). Этому коллективному проекту не суждено было осуществиться, и каждый из ученых повел свои исследования самостоятельно. Особенно примечательным стал опыт Йеркса⁶, который в 1914–1915 годах изучал приматов в частном поместье в Калифорнии, а затем с 1924 по 1942 годы руководил экспериментальной станцией по исследованию антропоидов во Флориде, которая была основана при поддержке Фонда Рокфеллера. Йеркс и Келлер сосредоточили свое внимание на изучении психологии человекообразных приматов, в первую очередь — их познавательных способностей. Интерес к этой теме был неслучаен и проистекал из того колоссального воздействия на умы приматологов, которым тогда обладали открытия Ивана Петровича Павлова (1849–1936), в первую очередь, его *теория условного рефлекса*.

Работа Йеркса представляла собой пример «клинических и образовательных манипуляций»⁷ с шимпанзе, которых он считал «слугами научного знания». Станция биологии приматов, возглавляемая Йерксом, была образцовым домохозяйством, где сам исследователь не без успеха играл роль

⁶ Проект Вольфганга Келлера на Тенерифе был реализован им самостоятельно, результатом чего стали его разработки в области зоопсихологии шимпанзе. См.: Келлер, В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М.: Изд. Комакадемии, 1930.

⁷ Haraway, D. J. Primate Visions: Gender, Race, and Nature in the World of Modern Science. New York: Routledge, 1989. P. 62.

сурового и требовательного отца, решительно сохраняющего им же заведенный порядок. Характерно, что в быту Йеркс был крайне дисциплинирован и требователен к окружающим, а его жена Ада Йеркс смогла присоединиться к его научным исследованиям лишь тогда, когда руководитель проекта позволил ей в 1929 году выступить соавтором книги «Большие человекообразные обезьяны»⁸. «Подобно многим приматологам, Йеркс любил шимпанзе», но «эта любовь была внутренне переплетена с властью: колонизирующая логика патерналистского господства — своего рода цивилизаторское призвание — наполняла каждый уровень научных исследований Йеркса, включая его личное отношение как человека к животному»⁹.

С начала 1920-х годов правительства ведущих мировых держав начали осуществлять целенаправленную политику по отлову обезьян и доставке их в свои страны. Приматы стали одним из *ресурсов*, систематически извлекаемых из колоний, что вело к потреблению их в гигантских масштабах, как если бы это были сахар, кофе или руды полезных металлов. Создаваемые питомники приматов требовали все больше и больше животных, необходимых для проведения опытов. Любопытно, что задачи, которые ставились экспериментаторами на первых этапах, были порой экстравагантны. Если Келлер и Йеркс сосредоточили внимание на изучении интеллекта приматов, то российский биолог-селекционер Илья Иванович Иванов (1870—1932) вынашивал идею скрещивания людей и горилл — идею, вполне характерную для времени революционных проектов выведения новых пород граждан¹⁰.

В целом, приматология периода, предшествующего второй мировой войне, выглядела как *большой колониальный*

⁸ Yerkes, R. M. and Yerkes, Ada W. The Great Apes. New Haven : Yale University Press, 1929.

⁹ Haraway, D. J. Primate Visions. P. 63.

¹⁰ Rossiianov, K. Beyond Species: Il'ya Ivanov and His Experiments on Cross-Breeding Humans with Anthropoid Apes // Science in Context. 2002. Vol. 15 (2) P. 277—316. Популярная версия этой истории: Существуют ли обезьянолюди? // Техника — молодежи. 2001. N 11. С. 18—19.

проект. Подобно тому, как охота на обезьян в лесах Африки требовала мужественности и отваги, исследование приматов в лабораториях западных стран было делом суровых ученых-мужчин, видевших в своих животных отличный пример дикой природы, нуждающейся в покорении и дисциплинировании.

Наука в форме материнского любопытства

Ранняя история лабораторной приматологии в России была с неизбежностью наполнена духом энтузиазма, поскольку сама наука рождалась почти на пустом месте. Но уже в 1933 году, когда были созданы питомники приматов в Сухуми и Култушах (близ Ленинграда)¹¹, приматология в Советском Союзе приобрела типично *имперский образ*. Все тот же интерес к психологии антропоидов, что и на Западе, развиваемый в многочисленных опытах Павлова и его сотрудников в Култушах¹². Все то же стремление разгадать механику познавательной деятельности, не смотря на тактические расхождения во взглядах с Йерксом и Келлером. Тем не менее были в этой ранней истории особые страницы, написанные языком, немного отличающимся от общепринятого. Эти страницы написала женщина, которая к тому же была молодой матерью.

В 1913 году Надежда Николаевна Ладыгина-Котс (1889—1963) купила молодого самца шимпанзе, которого назвали Иони¹³. Позднее посредством тщательных вычислений она установила, что возраст обезьяны в момент приобретения составлял 1,5 года. Деньги на приобретение шимпанзе моло-

¹¹ Самойлов, М. О. Павловские Колтуши / М. О. Самойлов, В. К. Болодинский // Природа. 1999. N 8. С. 72—79.

¹² Павлов, И. П. Павловские среды. М. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. 2; Вацуро, Э. Г. Исследование высшей нервной деятельности антропоидов (шимпанзе). М. : Медгиз, 1948; Штодин, М. П. Материалы к вопросу о высшей нервной деятельности человекообразной обезьяны (шимпанзе) // Труды Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности имени И. П. Павлова. М. : Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1 и др.

¹³ Ладыгина-Котс, Н. Н. Дитя шимпанзе и дитя человека. М. : Издание Государственного Дарвиновского музея, 1935. С. IX—XVI.

дой исследовательнице дал сотрудник Дарвиновского музея при Московских высших женских курсах Филипп Евтихийевич Федулов (1881—1961), работавший в нем таксидермистом¹⁴. Поскольку разместить юного Иони было негде, то обезьяна стала жить прямо в квартире Ладыгиной-Котс, расположенной на территории музея. Супруг Надежды Николаевны Александр Федорович Котс (1880-1864), директор музея, всецело поддержал странное предприятие. Это было, однако, неудивительно. Надежда Николаевна и Александр Федорович были страстно увлечены биологией и поэтому, часто живя впроголодь, тратили последние деньги на покупку различных экспонатов для своего музея. Однако если до сих пор средства уходили в основном на приобретение чучел животных, то теперь они были израсходованы на живого шимпанзе.

Затея с Иони была необычной. До сих пор в мировой науке о приматах никто еще не предпринимал попыток изучения поведения шимпанзе в условиях городской квартиры. Впрочем, квартиру эту можно было вполне считать первой лабораторией, поскольку супруги сумели создать для проживания шимпанзе вполне подходящие условия. Это привело к тому, что Иони прожил в семье Котс вплоть до 1916 года, после чего умер. Ясно, что обеспечить животное привычной для него пищей в условиях военных лет было совсем не просто. Таким образом, проведенный трехлетний эксперимент стал своего рода героическим опытом в области приматологии. Благодаря ему Ладыгина-Котс ворвалась в историю экспериментальной науки.

К 1923 году была завершена ее первая книга об изучении шимпанзе Иони¹⁵. Спустя 12 лет Надежда Николаевна вновь вернулась к первоначальной проблеме, но придала ей новый масштаб, а также новый свежий взгляд, сопоставив свои первоначальные наблюдения за Иони с наблюдениями

¹⁴ *Удальцова, В. А.* Ремесло или искусство // Природа. 2002. N 4. С. 92—96.

¹⁵ *Ладыгина-Котс, Н. Н.* Исследование познавательных способностей шимпанзе. М. : Госиздат, 1923.

за сынишкой Руди, которые велись в 1925—1929 годах от дня его рождения и до 4-летнего возраста¹⁶. Оба исследования были посвящены изучению психологических особенностей шимпанзе и ребенка, делая акцент на эмоциях, инстинктах и играх у обоих подопытных. Этот растянувшийся на годы эксперимент был выполнен в лучших традициях дарвиновской науки. Целью его было обнаружение сходств и различий между человеком и обезьяной, особенно в области поведения и познавательных способностей. Ладыгиной-Котс с помощью мужа и других сотрудников музея пришлось день и ночь делать многочисленные зарисовки поз и жестов Иони и Руди, бесконечно фотографировать, вести дневниковые записи.

Этот беспримерный опыт стал одним из краеугольных камней в фундаменте советской приматологии. Но в ту пору приматология в качестве составной части эволюционной теории Дарвина стала одной из опор официальной советской идеологии, утверждающей биологическое родство между приматами и людьми. Тезис Фридриха Энгельса о труде, сделавшем из обезьяны человека, позволил отечественным приматологам использовать его в качестве отправной точки для своей работы. Для Ладыгиной-Котс, увлеченно наблюдавшей за шимпанзе Иони еще в дореволюционный период, в советскую эпоху *материнское любопытство* стало своего рода профессиональной обязанностью. Весьма незначительный по размеру раздел об употреблении орудий у шимпанзе в ее книге 1935 года¹⁷ был в дальнейшем развит¹⁸ и стал, наконец, предметом специального исследования, опубликованного в 1959 году¹⁹.

Примечательным сюжетом, на который обратила внимание Ладыгина-Котс, стало так называемое «чирканье» или «рисование» у обезьян. Обсуждая эту особенность поведения шимпанзе, исследовательница склонялась к мысли о его под-

¹⁶ *Ладыгина-Котс, Н. Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека.

¹⁷ Там же. С. 221—223, 234.

¹⁸ *Ладыгина-Котс, Н. Н.* Развитие психики в процессе эволюции организмов. М. : Советская наука, 1958. С. 152—179.

¹⁹ *Ладыгина-Котс, Н. Н.* Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян. М. : Изд-во АН СССР, 1959.

ражательной природе²⁰. Ее ученик, Курт Эрнестович Фабри (1923—1990), позднее пытался переформулировать эту мысль, утверждая, что «рисование» шимпанзе в неволе — это проявление компенсаторного поведения, которое проявляется в клетке, но отсутствует в их повседневной жизни²¹. Для Арона Исааковича Каца (ум. 1975), который изучал ту же проблему на базе Сухуми и Тбилиси, рисование у антропоидов также было чисто биологическим явлением, свидетельствующим о «единственном и окончательном пределе их возможностей»²². Во всех этих выводах рисование у высших приматов было своего рода проявлением неразвитого интеллекта. Но толкование этой неразвитости могло быть различным. Занимая своеобразную позицию *приматолога-матери*, Ладыгина-Котс видела в своих обезьянах что-то вроде несмышленых детей, нуждающихся не только в исследовании и воспитании, но и любви.

Такой подход к приматам — научный и одновременно отступающий от принятых в это время норм их изучения — был вызван личностью самой Ладыгиной-Котс. Ее *женский опыт* в довоенной приматологии был, в сущности, уникальным. В мировой науке о приматах в течение первых двух третей XX века царил *мужской взгляд*, который вовсе не предполагал ни нежной любви к подопечным животным, ни материнского любопытства к их поведению.

Приматы и борьба за независимость

После второй мировой войны приматология продолжала развиваться в своей экспериментальной форме на том же фундаменте лабораторий. Но целый ряд событий, в первую очередь холодная война и вызванная ей гонка вооружений подвигли организаторов исследований на приматах перейти

²⁰ Ладыгина-Котс, Н. Н. Развитие психики в процессе эволюции организмов. С. 168.

²¹ Фабри, К. Э. К статье А. И. Каца «Рисование-чирканье у шимпанзе и маленьких детей» // Вопросы антропологии. 1978. Вып. 59. С. 146.

²² Кац, А. И. Рисование-чирканье у шимпанзе и маленьких детей // Вопросы антропологии. 1978. Вып. 59. С. 145.

к решению иных, во многом более масштабных задач, что соответствовало духу времени и процессу создания *большой науки* в СССР и США.

Павловские программы исследования высшей нервной деятельности приматов, осуществляемые в Колтушах²³, были постепенно преобразованы, чему не в последнюю очередь сопутствовала встряска в высших эшелонах советского научного сообщества в 1948—1950 годах²⁴. Тогда же начался процесс бурной *медикизации* приматологии, способствующей превращению приматов в объекты все более разнообразных биомедицинских манипуляций. Различные ткани макака, мартышки и шимпанзе стали использоваться для изготовления лекарственных препаратов, в том числе противовирусных.

Медицинские опыты с обезьянами породили целую индустрию, которая оказалась весьма затратной. Доставка обезьян из Африки сопровождалась гибелью тысяч животных: одни гибли в момент отлова, другие — по дороге, третьи — уже на месте, как в питомниках, так и в зоопарках. В Советском Союзе смертность обезьян в питомниках была огромной, но это не остановило организаторов экспериментальной науки от мысли создавать новые приматологические центры, в том числе в суровых условиях Новосибирска²⁵.

Западные программы исследования приматов развивались в основном в том же направлении. При этом в самом конце 50-х годов в США началась подготовка к запуску обезьян в космос.

²³ В период с 1939 по 1950 гг. в Колтушах располагался Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. В 1950 г. он был преобразован в Институт физиологии им. И. П. Павлова.

²⁴ Кременцов, Н. Л. Советская наука и холодная война // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. Ред. Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 830—907.

²⁵ Чернышев, В. И. К вопросу об организации нового приматологического центра в СССР // Вопросы антропологии. 1979. Вып. 61. С. 180—181. См. также: Чернышев, В. И. О некоторых способах отлова и содержания в карантине обезьян в Эфиопии // Вопросы антропологии. 1978. Вып. 59. С. 165—168.

Возможно, именно эта *политика колонизации тел приматов* стала причиной новых страхов, родившихся в массовой культуре послевоенного Запада. Их наиболее яркими проявлениями стали образы Кинг-Конга и «планеты обезьян» — образы бунта приматов против жестокого человека-захватчика, увековеченные литературой и Голливудом. Впрочем, массовая культура тогда же культивировала и другой популярный образ, рожденный еще в межвоенную пору, — Тарзана — друга животных, человека-обезьяны, оставшегося в джунглях, чтобы помогать и людям, и обитателям дикой природы. Похоже, именно Тарзану первоначально пришлось стать во главе символической борьбы за независимость. Вскоре, однако, эта борьба приобрела совершенно иные формы.

Рубеж 50-х и 60-х годов стал временем распада колониальной системы. Независимость начали обретать целые народы. Именно в этот период в западной приматологии стали происходить радикальные изменения. Ее новым словом стало стремление изучать приматов в естественной среде их обитания. Характерным признаком *полевой приматологии* стало то, что решающий вклад в ее развитие внесли, прежде всего, *нестатусные ученые* — молодые мужчины-исследователи и особенно женщины.

В январе 1957 года аспирант Висконсинского университета Джордж Шаллер (род. 1933) совершенно случайно принял решение изучать горных горилл в африканских джунглях. На эту идею его натолкнул профессор зоологии Джон Т. Элмен, а большую моральную поддержку оказал крупнейший американский приматолог этого времени Кларенс Рэй Карпентер, известный своими исследованиями нечеловекообразных приматов²⁶. После двухлетней подготовки Шаллер со своей женой Кей выехал в Национальный парк Вирунга изучать обезьян. Его поездку финансировал Национальный научный фонд США и Нью-Йоркское зоологическое общество.

Целью предпринятой экспедиции было изучить район распространения горных горилл, установить характер их питания, исследовать разнообразные формы поведения. Эта эк-

²⁶ Haraway, D.J. Primate Visions. P. 84–117.

спедиция продолжалась год, и ее результатами стали две книги Шаллера: во-первых, «Горные гориллы», напечатанная в Чикагском университете в 1963 году, и, во-вторых, популярная работа «Год под знаком гориллы», вышедшая там же в 1964 году.

Наблюдая 11 семейств горных горилл, Шаллер впервые установил много ранее неизвестных особенностей их биологии и поведения. Он показал, что распространенное мнение об агрессивности горилл крайне преувеличено. По его мнению, ритуал демонстрационного поведения самцов, которые громко кричат, бьют себя в грудь, побрасывают пучки травы и пр., — это закрепленные эволюцией компенсаторные акты, которые возникают у животных и человека при одновременном действии двух противоположных импульсов (например, желания напасть и убежать). «По своей природе горилла — животное робкое и сдержанное. Когда только возможно, она избегает вступать в контакт со своими соседями-людьми»²⁷.

Книга Шаллера, безусловно, произвела резонанс в научной среде, но еще более важным, пожалуй, стало то, что она подвигла заняться полевой приматологией скромную представительницу медицины Дайан Фосси (1932—1985). Однако еще до того, как Фосси познакомилась с исследованием Шаллера, свою собственную вылазку в дебри тропической Африки предприняла англичанка Джейн Гудолл (род. 1934).

«Дочери мужчины-охотника в поле»,
или «место женщины в джунглях»²⁸

Никому не известная в научном мире Гудолл начала свой путь к мировой известности в тот год, когда Ладыгина-Котс опубликовала свои исследования орудийной деятельности у шимпанзе. Однако двадцатипятилетняя Гудолл осмелилась на то, о чем ее старшая коллега из Советского Союза едва ли могла и мечтать. В 1959 году она отправилась

²⁷ Шаллер, Дж. Б. Год под знаком гориллы. С. 100.

²⁸ В подзаголовке используются названия, предложенные Донной Харауэй в ее книгах по истории приматологии: *Haraway, D.J. Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge, 1991. P. 81; *Haraway, D.J. Primate Visions*. P. 279.

в Кению по приглашению своей школьной подруги и там встретилась со знаменитым палеоантропологом Луисом Лики (1903—1972), который занимал должность куратора Национального музея естественной истории в Найроби (Кения). У них сразу установилось удивительное взаимопонимание, и Лики предложил Гудолл поработать в его музее. Еще через некоторое время он пригласил ее в Олдувайское ущелье, где вскоре после этого были найдены кости зинджантропа, а затем и останки *Homo habilis*, «человека умелого». К концу совместного пребывания в Олдувае Лики начал рассказывать Гудолл о шимпанзе, утверждая, что их изучение в естественных условиях может пролить свет на древнейшее прошлое человека. Тогда же Лики и предложил Джейн Гудолл заняться их изучением.

Прозорливости знаменитого Лики-I можно было только удивляться. В лице Джейн Гудолл он нашел такого рода исследователя, который более всего подходил для выполнения этой авантюрной задачи. Кто до сих пор мог думать о том, чтобы молодая, незамужняя девушка осмелилась отправиться в джунгли одна, чтобы изучать там шимпанзе? Лики в ней не ошибся. Как не ошибся он позже в американке Дайан Фосси, посоветовав ей изучать горных горилл, и в канадке литовского происхождения Бируте Галдикас-Бриндамур (род. 1946), предложив ей заняться орангутанами на Борнео.

В 1960 году берет начало один из самых выдающихся опытов по изучению диких шимпанзе в полевых условиях. Местом проведения этих исследований был выбран заповедник Гомбе-Стрим в Танганьике, в стране, которая в 1964 году объединилась с Занзибаром в единое государство Танзания. Средства для проведения наблюдений были выделены Фондом Уилки в Чикаго. При этом было оговорено, что финансирование выделяется всего на шесть месяцев, в течение которых обязательно должны быть получены какие-нибудь значительные научные результаты. Кроме того, правительство принимающей страны потребовало, чтобы молодую исследовательницу сопровождал кто-либо из взрослых. К великой радости для Джейн Гудолл в ее поездке к ней присоединилась ее мать Вэнн, присутствие которой на первых порах позволило ей начать свою работу в Африке.

Небольшой палаточный лагерь, поставленный в Гомбе, стал местом первого систематического наблюдения за жизнью диких шимпанзе. Гудолл легко привыкла к своей новой роли, поселившись в танзанийских джунглях. В течение первых же шести месяцев ей были сделаны важные открытия, которые перевернули привычные представления о шимпанзе обыкновенном (*Pan troglodytes*). Во-первых, Гудолл обнаружила, что шимпанзе поедают не только растительную пищу, но и мясо. Во-вторых, они изготавливают простейшие орудия, а именно своеобразные удилища, которыми добывают термитов. Последнее обстоятельство ставило важную философскую проблему. Как писала впоследствии сама Гудолл, «человек всегда считался единственным существом, способным производить орудия. В самом деле, одно из широко распространенных определений гласит, что человек — это существо, которое «изготавливает орудия по определенному плану». Тем не менее, благодаря наблюдениям таких вот различных случаев примитивного изготовления орудий, многие ученые пришли к выводу о необходимости более тонкого определения человека. Иначе, по словам Луиса Лики, нам придется признать шимпанзе человеком»²⁹.

Выводы Гудолл о способности шимпанзе изготавливать орудия труда совпадали с наблюдениями Ладыгиной-Котс, которые касались различных приемов конструктивной деятельности у антропоидов. Но если советская исследовательница обнаруживала в них свидетельство биологической обусловленности, то Гудолл в свойственном лишь для западной науки духе говорила о наличии у шимпанзе особой *культуры*³⁰.

Открытия 1960 года позволили Гудолл продолжить свою работу в Гомбе. Новые средства для работы ей выделило Национальное географическое общество США, которое, кроме того, стало направлять в заповедник Гомбе (впоследствии Национальный парк Гомбе) своих фотографов и киноопера-

²⁹ Лавик-Гудолл, Дж. ван. В тени человека. М.: Мир, 1974. С. 38.

³⁰ Эта склонность не проводить различий между «природой» и «культурой» у антропоидов и людей была характерна уже для Йеркса и Келлера.

торов для съёмок шимпанзе, которых наблюдала Гудолл. К этому времени мать Джейн уже вернулась в Англию, и Гудолл продолжала свою работу одна. Между тем наблюдения шимпанзе представляли собой большую проблему, поскольку обезьяны были достаточно пугливы и с легкостью скрывались от человека. Чтобы войти с ними в контакт, Джейн решила приманить их в лагерь. Собственно говоря, эту идею подали ей сами шимпанзе, а именно один из них, которого она назвала Дэвид Седобородый. Этот самец однажды проник в лагерь и на глазах у Джейн стащил со стола банан. Заметив это, Гудолл стала просить своих африканских помощников регулярно выкладывать в лагере бананы для обезьян.

В течение последующих лет жизнь Гудолл превратилась в настоящее испытание, поскольку вслед за Дэвидом в лагерь стали наведываться и другие шимпанзе — самцы, самки с детенышами и даже павианы. Обезьяны довольно быстро освоились с новой обстановкой и перестали бояться исследовательницу. Именно в этот период жизни Гудолл стала специально наблюдать за индивидуальными различиями между шимпанзе. Таковых оказалось немало — внешность, голос, повадки, характер. Все больше становясь специалистом в области этологии, Гудолл стала давать своим шимпанзе имена. Это помогло ей узнать много нового об их поведении.

Гудолл наблюдала жизнь многих шимпанзе от рождения и до смерти. Ей удалось увидеть сложные взаимоотношения между особями, подчинявшиеся строгой иерархии, которая, однако, в силу тех или иных обстоятельств могла быть нарушена. Шимпанзе живут большими ассоциациями, но родственные отношения поддерживаются только между самками и ее потомками. При этом детеныши шимпанзе зависят от своих матерей не только физически, но и эмоционально, а между взрослыми самцами возможна долгая привязанность, сильно похожая на человеческую дружбу. Воспитание детенышей их матерью продолжается много лет, поскольку молодым шимпанзе приходится учиться у нее многим важным формам поведения, в частности, изготовлению и пользованию орудиями — палками, ветками, камнями. Как пишет Гудолл, «способность манипулировать предметами у шимпанзе врожден-

ная и обусловлена строением руки и хорошо развитым мозгом, но использовать их они, вероятно, обучаются в обществе себе подобных, имитируя действия других животных»³¹.

Высокий уровень интеллекта превратил шимпанзе просто в милых приматов, но в изобретательных хищников. Сцены охоты шимпанзе на павианов, гверец, кистеухих свиней и других животных, которые наблюдала Гудолл, вошли в те репортажи, которые Гудолл предоставила читательской и телевизионной аудитории. Дикие шимпанзе, по словам Гудолл, могут похищать и детей человека³², однако для взрослых людей они почти никогда не были опасны.

Наблюдая за жизнью шимпанзе, Гудолл никогда не могла отделаться от мысли, что в их поведении очень много общего с человеком. «Во время многолетних исследований шимпанзе в Гомбе я часто ощущала себя антропологом, описывающим жизнь очень своеобразного человеческого племени, — настолько поступки шимпанзе могут напоминать наши»³³. То, как самки шимпанзе воспитывают своих детей, и то, как отдельные шимпанзе поддерживают порой друг друга, казалось ей очень поучительным. Но самым потрясающим случаем в ее жизни было рукопожатие, которым поблагодарил ее однажды взрослый самец шимпанзе, Дэвид Седобородый. Описанием этой истории заканчивается ее книга «В тени человека».

«Однажды я сидела возле Дэвида на берегу маленького ручейка с прозрачной, кристально чистой водой. Заметив валявшийся на земле спелый ярко-красный орех, я подняла его и протянула Дэвиду. Он сначала отвернулся, но когда я пододвинула ладонь с лежащим на ней орехом поближе, взглянул на него, потом на меня, взял орех и одновременно мягко, но решительно сжал мою руку. Я боялась шевельнуться. Потом Дэвид выпустил руку, посмотрел на орех и уронил его

³¹ Гудолл, Дж. Мои друзья дикие шимпанзе // Знание — сила. 1972. N 5. С. 30. То же см.: Лавик-Гудолл, Дж. ван. В тени человека. С. 172.

³² Лавик-Гудолл, Дж., ван. В тени человека. С. 185.

³³ Гудолл, Дж. Мои друзья дикие шимпанзе // Знание — сила. 1972. N 5. С. 28.

на землю. Не нужно было быть ученым, чтобы понять в тот момент значение этого жеста. Доверие к человеку — вот что выражало прикосновение его пальцев. Многовековой барьер, разделивший две родственные, но по-разному эволюционировавшие формы, был на несколько секунд сломлен. Это была награда, о которой я не могла и мечтать»³⁴.

Дайан Фосси работала врачом по профессиональным заболеваниям в одной из больниц Луисвилля, штат Коннектикут. В сентябре 1963 года она решила осуществить свою давнюю мечту и отправилась на сафари в Африку, заняв для этого большую сумму денег в банке. В Африке она посетила Олдувайское ущелье в Танзании, где знаменитые на весь мир Луис и Мэри Лики продолжали свои поиски останков древнейших предков человека. Как она напишет позднее, «Доктор Лики рассказал мне о прекрасной работе Джейн Гудолл, только что завершившей трехлетний цикл исследований с шимпанзе в танзанийском Исследовательском центре на реке Гомбе, и подчеркнул важность многолетнего изучения жизни крупных человекообразных обезьян в естественных условиях. Кажется, что именно во время этой встречи мне и задала в голову мысль, в тот момент еще не осознанная, вернуться позже в Африку и приступить к наблюдениям за горными гориллами»³⁵. После расставания с семейством Лики ей удалось также посетить гору Микено в Заире (до 1960 года бельгийское Конго). У Микено она взошла на луг Кабара, где своими глазами увидела место, на котором до нее побывали Экли и Шаллер.

После возвращения в США Фосси уже твердо решила перебраться в Африку для изучения горных горилл. Большую помощь в этом ей вновь оказал Луис Лики, который, прибыв в Америку, нашел ее там и помог выхлопотать финансовую помощь у Лейтона Уилки. Готовясь в путь, Фосси специально изучила язык суахили, бывший средством межнационального общения народов Восточной Африки.

В декабре 1966 года она вылетела в Кению, где ее встретил доктор Лики, продолжавший оказывать Фосси неоцени-

мые услуги на первых порах ее пребывания в Африке. Благодаря этой помощи ей удалось справиться с трудностями начального этапа вхождения в мир дикой природы. Но во всех остальных случаях Фосси принимала все решения самостоятельно.

Свою работу в парке Вирунга Фосси начала в том же году, но вследствие очередного военного переворота в Заире, случившегося в июле 1967 года, ей пришлось сменить место пребывания. Результатом этого стало основание осенью того же года исследовательского центра Карисоке, получившего название от двух гор, окружавших его, — Карисимби и Високе.

Первое время она со своими руандийскими рабочими жила в двух холщовых палатках, которые позднее были заменены более комфортабельными деревянными домиками. Уже в 70-е годы в лагерь стали регулярно приезжать американские и британские студенты, которые под руководством Фосси практиковались в изучении диких горилл. Стараясь не вмешиваться в жизнь приматов, Фосси и ее помощники, тем не менее, вынуждены были оказывать им помощь, поскольку безопасности животных постоянно угрожали браконьеры. Центр Карисоке стал местом, откуда Фосси стала проводить энергичную кампанию против браконьерства. На протяжении всех лет, что она провела в Карисоке, ей приходилось уничтожать ловушки, сооружаемые браконьерами. Дважды ей пришлось выхаживать в лагере тяжело раненых молодых горилл, которые подверглись нападению местных охотников. В лагере Фосси находили себе приют и другие животные. Ее борьба в защиту животных была долгой и во многом успешной. В результате ее усилий местное население значительно реже стало использовать территорию национального парка в своих хозяйственных целях, а отлов и уничтожение животных, которые формально находились под защитой законов государства, сократились. Тем не менее Фосси пришлось заплатить жизнью за свою активную деятельность. В декабре 1985 года она была убита браконьерами в своем домике в Карисоке.

Работа Фосси пришлась на период, когда большинство стран тропической Африки только что избавилось от своей

³⁴ Лавик-Гудолл, Дж. ван. В тени человека. С. 192.

³⁵ Фосси, Д. Гориллы в тумане. М.: Прогресс, 1990. С. 21.

колониальной зависимости. Однако этот период не стал временем их успешного экономического развития. На территории стран, где она вела свои исследования, фактически не прекращались межплеменные столкновения между бантуязычными народами. При этом чудовищная перенаселенность этих стран, в первую очередь Руанды, избыток сельскохозяйственного населения, коррумпированность местной бюрократии и другие факторы — все они никоим образом не стимулировали интереса местного населения к природоохранной деятельности, к которой призывали африканцев общественные деятели на Западе. Фосси трезво отдавала себе отчет в том, что ее борьба в защиту горилл на этом фоне оказывается малопродуктивной. Тем не менее она никогда не сдавалась.

Прежде всего она была вынуждена прибегать к непосредственным мерам по защите горилл, как, впрочем, и других животных национального парка. Одна или с помощью своих стажеров и работников центра Карисоке она уничтожала ловушки браконьеров и спасала горилл от гибели. Не имея никаких официальных полномочий, Фосси проводила пропагандистскую работу среди местных жителей, стремясь пробудить в них любовь к окружающей природе. Кроме того, она вела и организационную работу, направленную на поощрение тех людей, которые помогали ей в охране горных горилл. После убийства браконьерами 31 декабря 1977 года ее любимца, молодого самца Диджита, она создала Фонд Диджита, на средства которого обеспечивалась работа лесных патрулей.

Несмотря на все это, Фосси искренне понимала, что сделанного недостаточно. Последние страницы ее последней книги завершаются горькими, но честными признаниями. «Американские и европейские концепции охраны природы, особенно животных, чужды африканским крестьянам, уже превысившим пределы производительности своих земель. Было бы гораздо эффективнее разъяснить им, что горную среду необходимо охранять как водосборный бассейн... Если роль экосистемы в жизни людей будет осознана, а ее сохранению уделено должное внимание, что сегодня еще не делается, то и тропический лес получит шанс на выживание,

а значит, и обитающие в нем животные, и люди, зависящие от него»³⁶.

Кроме того, Фосси пыталась предложить и некоторые широкомасштабные программы, которые могли бы прямо повлиять на спасение горных горилл в Вирунге. В этом случае она считала важным не столько навязывание бедному африканскому обществу западных природоохранных ценностей, сколько поощрение правильно *организованного туризма*. «Развитие туризма, если к нему подойти рационально, могло бы стать прибыльным делом в масштабе всей страны и заставить сторонников извлечения непосредственных выгод от охоты на животных поступиться своими интересами в пользу большинства. Этой цели можно добиться в Африке, континенте, где бытуют племенные разногласия, протекция и четкие классовые различия, только усилиями последовательных, бескомпромиссных энтузиастов, способных выдвинуть на первый план интересы животных»³⁷.

Работа Гудолл в парке Гомбе и Фосси в Вирунге стала примерам того, как не имеющие специальной университетской подготовки женщины отправились в джунгли изучать приматов. К концу 60-х годов леса Африки и Юго-восточной Азии стали местом работы сразу нескольких женщин-приматологов, погрузившихся в опыты наблюдения за шимпанзе, гориллами и другими человекообразными обезьянами. Важной чертой этих исследований стало развитие дискурса защиты дикой природы и проведение в жизнь связанной с этим личной политики.

Приматы и проблемы пола

Сообщества шимпанзе и горных горилл выступили удачными примерами для дискуссий о предоставлении независимости и *сохранении природного своеобразия*, однако в 70-е и 80-е годы приматологи-полевики распространили свой интерес и на другие виды, в том числе на нечеловекообразных приматов. Среди последних на первый план неожиданно вышли лангуры, обитающие в Индии. Ведущим специалистом по

³⁶ Фосси, Д. Гориллы в тумане. С. 251.

³⁷ Там же. С. 253.

их изучению стала американка Сара Блаффер Харди, профессор антропологии в университете Калифорния-Дэвис.

Действительно, благодаря Гудолл и Фосси общественность на Западе уже хорошо знала о таких редких приматах, как антропоиды, но лангуры были известны гораздо хуже. При этом они были явно хорошо приспособлены к соседству с человеческими селениями, и им не грозило исчезновение. В центр научных дискуссий лангуры попали по иной причине. В США в этот период завязались активные дискуссии о семейном насилии (против детей и женщин), о репродуктивных свободах, абортх, родительских правах и сексуальных меньшинствах³⁸. Ведущую роль в них играли феминистки, в том числе женщины-антропологи и биологи. В качестве неотъемлемых компонентов этого дискурса выступили примеры, касающиеся ситуации в «третьем мире»³⁹ и, разумеется, ситуации в мире «дикой природы». В сообществах лангуров весьма распространены были случаи убийства детенышей взрослыми самцами, и вообще, кажется, было больше примеров внутригруппового насилия.

В 1977 году Сара Харди выпустила свою книгу о репродуктивных стратегиях лангуров мужского и женского пола⁴⁰, которой двумя годами ранее предшествовала ее диссертация на эту же тему. Еще через четыре года она представила более развернутый текст о мире мужской и женской сексуальности у приматов, в котором подвергла критике все наиболее значительные теории о происхождении неравенства между полами и вновь обратила внимание на крайне сложные формы сексуального поведения в мире лангуров, в том числе половую активность самок, которые спариваются с максимально большим числом самцов⁴¹. Объясняя эту сексуальную страте-

³⁹ *Sargent, C.* Maternity, Medicine and Power: Reproductive Decisions in Urban Benin. Berkeley : University of California Press, 1989; *Scheper-Hughes, N.* Death Without Weeping: The Violence of Everyday Life in Brazil. Berkeley : University of California Press, 1992 и др.

⁴⁰ *Hrdy, S. B.* The Langurs of Abu: Male and Female Strategies of Reproduction. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1977.

⁴¹ *Hrdy, S. B.* The Woman That Never Evolved. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1981.

гию самок лангуров, Харди утверждала, что этим они пытаются защитить свое потомство. Доминирующие самцы гарема регулярно убивают детенышей, которые, по их мнению, рождены не от них, поэтому самки защищают свое потомство, распространяя возможность отцовства среди нескольких мужских особей и пользуясь их силой в качестве защиты.

Концепция Харди явно шла вразрез с ранее принятыми представлениями о пассивности женского пола, в том числе и в природе, и одновременно соответствовала новым представлениям о женской сексуальности. При этом она не отбрасывала и тезис о мужском насилии или «доминировании», считая этот термин более подходящим для разговора об обезьянах⁴².

Если в США дискуссии по проблемам пола в области приматологии опирались на вполне очевидный пласт мощного феминистского дискурса, то в СССР в ту же эпоху они носили более сдержанный характер. Отчасти их можно даже принять за простое подражание американским авторам, но все же, кажется, это было не так. Некоторые высказывания были вполне полемичны. Ограничимся одним примером, который носил чисто академический характер и потому вряд ли достиг более широкой аудитории.

В 1966 году философ Юрий Иванович Семенов, активно занимавшийся проблемами антропогенеза, опубликовал работу, в которой развил свой тезис об основной цели приматов-самцов «обеспечить по возможности более полное удовлетворение своего полового инстинкта»⁴³. Выдвинув на первый план проблему пола, он тем самым дал повод другим исследователям более широко обсуждать эту тему. Характерно, что наиболее решительную критику на него обрушила Людмила Викторовна Алексеева из академического Института биофизики в Пущино. В отличие от Сары Харди, Алексеева едва ли обладала информацией о существовании активной сексуальности у женских особей некоторых видов,

⁴² *Hrdy, S. B.* The Woman That Never Evolved. P. 3.

⁴³ *Семенов, Ю. И.* Как возникло человечество. М. : Наука, 1966. С. 107.

поэтому советская исследовательница апеллировала к проверенной со времен Ладыгиной-Котс *материнской позиции* в приматологии.

«Редкие и краткие периоды эструса у обезьян, когда могут реализоваться половые связи, не играют большой роли в объединениях обезьян. Значительно более прочными и длительными оказываются связи матерей с детьми и внуками. *Необходимость помогать самкам с детенышами и защищать их* (выделено мной. — Д. М.) — важная основа стадного объединения обезьян. От успешности выращивания потомства зависит судьба видов»⁴⁴. В этих строках, если вдуматься, выражена сама суть женского опыта в СССР в 70-е годы XX века. Это своего рода призыв к мужской половине страны задуматься о проблемах женской части общества. Текст Алексеевой был чем-то вроде признания советского приматолога-женщины, что сексуальность, существующая лишь в форме спаривания между особями, даже в естественных условиях способна оказаться источником социальных противоречий. В то же время сотрудничество между полами среди людей должно быть таким же стабильным, как и между известными ей приматами.

Современный этап истории приматологии продолжает-ся. Мы все вправе ожидать от него новых и поучительных открытий. Несомненно, последующие представления в этой области будут столь же социально ангажированы, как и прежде, поскольку в такой области знания, как наука о человеке, в том числе наука о ближайших родственниках людей — приматах, знание никогда не может быть «чистым».

⁴⁴ Алексеева, Л. В. Приматоведение и предыстория человеческого общества // Вопросы антропологии. 1978. Вып. 59. С. 28—29.